

Учитель - профессия дальнего действия

Мои ученики, когда разговор заходит о будущем, часто любят говорить: „Вот когда мне будет двадцать... Вот когда мне будет тридцать... Вот когда мне будет пятьдесят...“ При этих словах они переносятся в небезразличное для них будущее и гадают, кем будут работать и где жить. Я в такие минуты думаю об одном: да, это важно, какую они выберут профессию, как у них сложится жизнь, но гораздо важнее, какими они станут людьми и какова будет моя мера ответственности за это.

В школе есть отметки за знания, но нет отметок за духовно-нравственные качества ученика. Можно иметь отличные успехи по предмету, но быть эгоистичным и тщеславным. И наоборот. Можно не успевать по предмету, но быть отзывчивым и добрым. Конечно, когда всё это находится в гармонии: и прочные знания, и высокие духовно-нравственные качества. Развивают деятельность учителя, смог ли он воспитать из ребёнка гражданина, человека всесторонне развитого, самостоятельного, отзывчивого, честного, открытого, способного устоять перед соблазнами мира и не упасть, станет ясным спустя десятки лет. Учитель - профессия дальнего действия. Я верю и твердо убежден, что учитель был и остается измерением человеческих душ, как бы ни банально и затёрто звучали эти слова.

У Валентина Распутина в книге „Уроки французского“ есть мысль о том, что ученики чувствуют свою вину перед

учителями не за то, что было в школе, а за то, что стало с ними во взрослой жизни. Можно перефразировать эти слова и сказать, что и учителя чувствуют свою вину за то, что стало с его учениками в будущем.

абуа Я не стою долго работаю в школе, и мне ещё не приходилось выпускать класс, но я часто представляю себе это расставание и потом встречаю со своими учениками спустя год. Я, конечно, к тому времени не прошёл образования, работаю в школе, отец большого семейства, мы идём с женой и двумя детьми по городу (я горю мед. лавочкой, почти по ускоренной программе) и не встречаю знакомого практически невозможно), навстречу нам идёт какой-нибудь здоровый парень с ребёнком на руках, тоже с женой, и я не узнаю их сразу, но они улыбаются, гостливо, обращаются ко мне: «Александр Михайлович, здравствуйте!» Это мы... Помните нас? Я понимаю всё (по улыбке, по глазам, по словам), что стало с моими учениками — они гостивы, или не стучат смотреть мне в глаза.

Но я боюсь и другой встречи. Это когда-то меня окликает... Нет, не окликает, а делает вид, что не узнал меня, пройдёт мимо другой ученик, поведёт его ещё стучит смотреть мне в глаза. Я сам узнаю его и основательно понимаю, что что-то случилось. Какую боль я тогда почувствую и вину? Самый независимый и неумолимый судья — это твоя собственная совесть.

В седьмом классе, в четвером

я являюсь классным руководителем, я старшие детей на тринадцать лет. Это и мало, и много. Когда один из ребят со смехом скажет, что не представляет, каким он будет в семьдесят, то я представлю, сколько мне будет в это время: восемьдесят три. Каким я буду в эти годы? Буду ли я вообще? Часто ушело не дано видеть своих учеников в будущем и гордиться ими.

Мои прадедушка и прабабушка - Любовь Михайловна и Михаил Иванович - были учителями. На разные годы их жизни пришлось двадцатые, тридцатые, затем война. Мой прадед, учитель русского языка и литературы, заблудился в лесу, добровольцем ушел на войну. Он не вернулся с фронта. Прабабушка одна воспитала трех детей, до самой старости работая в школе учителем математики. Когда я учился на старших уроках, где мой прадед принимал в конце тридцатых годов у старших классов экзамены, или на прабабушку в окружении своих учеников, всегда аккуратно, в платье с белыми воротничком, с мягкой улыбкой на лице, то я понимаю, что где-то здесь, в моем городе, прервется, быть может, рядом со мной, молодым учителем, правнуком, их ученики, которые уже в возрасте и сами дедушки и бабушки. В такие моменты чувствую непрерывную нить истории, свою связь с прошлым, реальность настоящего, слышим шаг будущего.

Когда в пятом классе деда говорит о том, кем бы они хотели

стать, но некоторые называют профессию учителя. Я испытывала и гордость, и страх. А если они разочаруются? А если этот выбор - давление авторитета, каризмы учителя? Идентично ли я право отговаривать или настаивать? Где та тонкая грань между свободным выбором и давлением авторитета?

Мечтал ли я с детства стать учителем? Нет, даже не думал об этом. Мечты со словами и словами были «я сам» и «я знаю». Я всегда стремилась к самостоятельности и был любопытнейшим. В детском саду я видела себя в профессии адвоката - теперь я понимаю, что во мне говорило обостренное чувство справедливости, мне хотелось помочь, защитить. Потом я хотел быть археологом, историком... Всегда любил русский язык и литературу, немного писал сочинения, занимался литературой Горького, много читал. Судьбоносное решение о профессии я принял только к концу девятого или началу десятиклассного класса. Но теперь, осмысливая прошлое, я думаю, что на этот выбор повлияли и моя личная предрасположенность, и личный пример учителей, которые были у меня в школьные годы, особенно учителей словесности - Натальи Павловны Рудак и Ольги Михайловны Лариной.

При встрече с моими учителями я до сих пор испытываю некоторую робость, которая проистекает от моего большого уважения к ним и почтения. Они видят, как я стал, знают меня как педагога и человека, поддерживают, гордятся мной. Я понимаю их чувства,

но всегда задаюсь вопросом, соответствую ли я их словам? Один из главных примеров учителя - честность по отношению к себе и ученикам.

Я убежден, что каждый урок русского языка и литературы уже сам по себе воспитывает в ученике лучшие качества его души. Литература, по силе замечательного в ней духовно-нравственного опыта, не имеет себе равных, а язык, на котором написаны великие художественные произведения, - это дух народа, то, что определяет нацию.

Я не перестаю удивляться возможностям и красоте русского языка. Я не сомневался, что учитель - одна из главнейших профессий, но я сомневался в себе. Я не могу ответить на вопрос, каков я учитель. Каждый день я прохожу через горькое сомнение: интересный ли получилась у меня урок, смог ли я воспитать в ребятах чувство доброты, отзывчивости, патриотизма, честности. Думаю, что на этот вопрос я сам смогу ответить не через год, два или три, а через десятки лет, когда увижу своего ученика и посмотрю в его глаза. И всё пойму.

